

18+

ГЛЕБ КАРПИНСКИЙ

МЕЧТЫ СБЫВАЮТСЯ

СКАЗКИ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Глеб Карпинский

Мечты сбываются.

Сказки для взрослых

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50283656

ISBN 9785449813183

Аннотация

Если вы в дороге, а на душе грустно и уныло, улыбнитесь! Сборник сказок для взрослых «Мечты сбываются» для вас. Сюда вошли интересные, во многом сказочные и поучительные истории вымышленных персонажей, написанные живым красивым языком с элементами юмора и легкой эротики. Желаем вам легкого приятного прочтения. Окунитесь в неизведанный мир фантазий! Может быть, они станут реальностью.

Содержание

Мечты сбываются	5
Еще та штучка	16
Недолюбленность	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Мечты сбываются Сказки для взрослых

Глеб Карпинский

Редактор Ирина Карпинская

Фотограф Глеб Карпинский

© Глеб Карпинский, 2020

© Глеб Карпинский, фотографии, 2020

ISBN 978-5-4498-1318-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мечты сбываются

Одна хорошая женщина прозябала на хуторе. Жила она тогда в саманной хате с соломенной крышей, топила печку сушеным навозом и часто могла созерцать в окошко, с умилением подложив под подбородок ладошку, как за забором щиплют разросшийся виноград соседские козы. Стоит сказать, что женщина эта была красивая, духовно одаренная, к тому же очень правильная, но при таких несомненных достоинствах так и ни разу не вышла замуж и вела жизнь одинокую, с девичьей тоскливостью. Может быть, именно на этой благодатной почве сублимации сексуальной энергии и проклюнулись первые ростки еще не признанного таланта, и стала она писать стихи почти каждый день и помногу, выкладывая их в сеть.

Преимущественно эта была первоклассная любовная лирика с животрепещущим описанием природы и деревенского быта, элементами фольклора и всегда со строгим соблюдением определенной стихотворной формы и размера. Кроме того, все эти четверостишия, льющиеся из сердца нашей провинциальной красавицы сладким нектаром, имели схожую сюжетную линию, а именно везде мелькал и маячил образ благородного рыцаря, обязательно неженатого или, на худой конец, обремененного семейными заботами. Вот отчего его милое небритое лицо в первую встречу их вооб-

ражаемого знакомства показалось читателям особенно бледным, утомленным и загадочным, а сам бедняга едва держался в седле на какой-то полудохлой кляче и скромно просил чашку воды и краюшку черствого хлеба. В следующий раз рыцарь предстал уже более настойчивым, требуя крынку молока и непременно со сливками, а также сдобные белые булочки, косвенно намекая на аллегорию с пышной грудью хозяйки. Потом аппетит его так улучшался, что он прискакивал уже на боевом коне в золоченых доспехах, брал махом покосившийся забор и так размахивал своим мечом во дворе нашей поэтессы, что случайно попадающие под его горячую руку куры лихо обезглавливались и тут же ощипывались. При этом для придания общей интриги главную героиню сего замысловатого сюжета каждый раз застигали врасплох. То она заплетала косички, сидя у окна и вспоминая какую-то забытую песенку, то полоскала на виду у всех в неглиже белье в тазике, а то и вовсе возилась с кроликами, изучая их повадки во время спаривания. В общем, каждый раз, когда должен был проезжать этот всюю уже распоясавшийся рыцарь, род деятельности дамы его сердца менялся, и неизвестно чем могло все это закончиться на литературной ниве, если бы однажды поэтесса не получила приглашение в Москву на творческий вечер, где ей обещали в торжественной обстановке вручить членский билет Союза российских поэтов. Все это не могло не побудить зачуханную деревенской жизнью поэтессу к активным действиям, и она тут же собра-

ла чемодан и отчалила на первом транзитном автобусе, каким-то нелепым чудом заплутавшем в ее безрассветной глуши по испорченному навигатору.

Так она вскоре очутилась в столице и какое-то время ошивалась на вокзале, подарившем ей целую уйму новых впечатлений. После чего ее рыцарь кушал уже сосиски в тесте, непременно политые двойной горчицей и кетчупом и запивал все пивом, в газетных киосках требовал журналы Playboy с кроссвордами, и, в конце концов, утомленный разгадыванием, падал под лавку, постелив себе под щеку свои запыленные неблизкой дорогой доспехи, чтобы не украли. Никакого боевого коня у него уже не было, а на справедливый вопрос дамы сердца: «Где же конь, рыцарь?», объяснял, что в Москве старомодно ездить верхом, да и вообще не принято ни перед кем отчитываться, кроме налоговых органов.

Так уж случилась, что ожидающая своего звездного часа поэтесса решила побродить по городу недалеко от вокзала, чтобы полезно скоротать время. Чемоданчик у нее был легкий, а настроение тяжелое. Ведь вокзал для приезжих провинциалов всегда является неким ориентиром, центром Вселенной, и только представьте состояние утонченной и чувствительной ко всем неладам нашей гостьи столицы, когда она так увлеклась архитектурой Щусева, что позволила себе заблудиться. К тому же, спросить нужную дорогу было не у кого, так как более-менее приличные прохожие спешили куда-то, а бродившие по близости орды оказались тури-

стами на одно лицо, лопочущими на непонятном наречии. Именно тогда благородный рыцарь из фантазий нашей поэтессы стал приобретать дикий нрав степняков, желтизну кожи, и даже некую скифскую раскосость глаз.

– Как дойти до дома российских поэтов? – спрашивала она напрасно у одного из них и на английском, и на французском. – Я опаздываю на творческий вечер.

Но степняки радостно улыбались, будто были рады, что она заблудилась, щелкали ее фотоаппаратами на память, снимали бедняжку на камеру и, в конце концов, предложили встать с ними в общую гигантскую очередь, ведущую к платным туалетным кабинкам синего цвета.

Поэтессе, и вправду, приспичило после выпитых незадолго до этого двух бутылочек пива, и ее блуждающий взгляд искал укромное место. Но не делать же такие интимные дела на скошенных городских газонах? И она впервые с ностальгическим чувством вспомнила свой вмиг осиротевший с ее отъездом хутор, его могучие просторы, и каждый куст калины, под которым можно было присесть и ни о чем не думать... И сейчас, в окружении чуждых ей этих все время улыбающихся кочевников, у нее невольно создавалось впечатление, что в той дальней заветной синей кабинке показывают всем поочередно какую-то жуткую трагикомедию, и каждый, заходя туда, рискует утонуть от переизбытка естественных надобностей. Но все равно она какое-то время безропотно стояла, а образ ее благородного рыцаря мельчал

и опускался ниже плинтуса, пока не превратился в мычащего пьяного бомжа, распластавшегося на ступеньках великолепного здания в стиле рококо с башенками из красного кирпича и с неоновой вывеской «Стоматология».

Поэтесса, всегда равнодушная к прекрасному, тут же отлучилась из очереди и, осторожно перешагнув через своего рыцаря, дернула на себя дверь обнадеживающего заведения. Контора внутри оказалась цивильная, отделанная мрамором, а полы блестели так, что в них отражались хрустальные люстры. На ресепшне сидела строгая дамочка с выражением скучающего бульдога, которая вся оживилась, как только раздался звон дверного колокольчика, и на пороге показалась наша героиня с чемоданом.

– Здравствуйте! – просияла секретарша, показывая отменные лошадиные зубы. – Вы к Илье Юрьевичу по записи?

– Можно сходить в туалет? – спросила робко поэтесса и стала озираться по сторонам, впечатленная лепниной и фресками.

– В туалет? – наморщилась секретарша и резко остановила свою попытку привстать. – Это категорически невозможно. У нас туалет только для тех, кто по записи. Попробуйте сходить в обменный пункт, соседняя дверь.

– Вы знаете, я там уже была. У них нет туалета, – возразила поэтесса. – Они ходят в бутылочку.

– Я Вам помочь ничем не могу, – огрызнулась секретарша и демонстративно уставилась в какой-то журнал с иллюстра-

циями вышиванием крестиком.

«Уж не бывшая ли это женушка моего рыцаря?» – еще мелькнула мысль у столичной гостьи, и руки так и зачесались, чтобы не запустить в мучительницу своим чемоданчиком. Но чемоданчик было жалко, к тому же поэтесса, все еще надеясь на благоразумие этого цепного бульдога, произнесла вслух:

– А что же мне делать, если приспичило...?

– Значит, только на улице, – был резкий ответ, не отрывая глаз от страниц специализированного журнала. – «Не советуем новичкам браться за наборы с темной канвой»... – прочитала она затем вслух.

– Хорошо, дайте тогда мне жалобную книгу, – спокойно произнесла поэтесса, стараясь не показывать вида возмущения.

Очки секретарши медленно опустились на переносицу, глаза люто сверкнули нездоровым блеском, всматриваясь куда-то в угол. Возможно, распластавшийся мычащий бож на ступеньках был ее уже первой сегодняшней жертвой.

– Я – известная поэтесса, – гордо расправила плечи наша героиня, готовая держать удар.

– Кто-кто? – переспросила секретарша, демонстративно прочищая уши наманикюренным мизинцем. – Цветаева что ли? Ахматова? – поиздевалась она еще немного.

– Я пишу под псевдонимом Хуторская козочка, – уточнила наша героиня. – Может быть, читали?

– Может, и читала, – засомневалась та. – Но я еще раз Вам русским языком говорю, что туалет у нас только для тех, кто по записи. Это строгое внутреннее распоряжение Ильи Юрьевича. Вы сами видите, сколько здесь народу подозрительного шастает. А если кто с гепатитом придет? А у нас, между прочим, операции проводятся...

– Я не кто-то! – возмутилась поэтесса. – «Мой благородный рыцарь любит сосиску в тесте» уже объявлен в номинации конкурса, мне должны вручить членский билет...

– Только по записи...

– Дайте тогда жалобную книгу!

– А зачем Вам наша жалобная книга?

– Кое-что напишу там, а Вы потом читаете.

Запрос на жалобную книгу подействовал отрезвляюще на сговорчивость вредной секретарши, и она, глубоко вздохнув, нехотя поднялась с места.

– Ладно. Я сейчас у Ильи Юрьевича спрошу, что с Вами делать...

Потом застучали каблучки по мраморному полу, и поэтесса терпеливо ждала, прислушиваясь к удаляющемуся эху. Каблучки стихли за углом извилистого коридора, пару раз топнули на месте и бойко стали возвращаться на ресепш.

– Илья Юрьевич сейчас занят, – с каким-то фальшивым сожалением проговорила секретарша. – Проходите, слева по коридору.

Поэтесса, довольная победой, кивнула и пошла в убор-

ную, которая ее сразу же поразила невиданным прежде убранством. Все блестело и сверкало. Большие зеркала создавали иллюзию большого пространства. Пахло свежестью моря, играла спокойная музыка. В таких помещениях можно было творить и творить. Поэтесса даже замешкалась, поставила чемодан у входа и стала выбирать для себя подходящее место среди трех начищенных до блеска унитазов из белого фаянса. Они были расположены вдоль стены на некоем возвышении и не имели по европейской моде между собой перегородок. Центральный был самый высокий, точно олицетворял собой первое место при награждении особо выдающихся, и поэтесса выбрала именно его.

Напоследок она немного прихорошилась у зеркала и на память о себе написала на нем губной помадой короткие строки.

Она играла глазами.

Она чертовски дурила.

Ее какая-то сила

Вперед все время манила.

Именно этот губной след, оставленный размашистым женским почерком, и заметил Илья Юрьевич, ведущий стоматолог столицы, который спустя какое-то время после того, как ушла взбалмошная посетительница с чемоданом, заскочил в уборную. Причем он надпись эту увидел не сразу, а ко-

гда, так сказать, присел на центральный трон, излюбленное его место. Стихотворение, заявленное миру таким экстравагантным образом, так задело его ищущую любовь душу, что мужчина тут же влюбился в сочинительницу и поклялся найти ее во что бы то ни стало. Поэтому не было ничего удивительного, когда он стал вытрясать из своей ошарашенной таким странным поведением босса секретарши все подробности появления в офисе недавней посетительницы.

– Отменяй все приемы на сегодня! – крикнул он ей, выходя из офиса сломя голову.

Стоит отметить, что Илья Юрьевич очень надеялся успеть на этот творческий вечер и, главное, на выступление своей дамы сердца, «Хуторской козочки». Каково же было его разочарование, когда прибыв в дом российских поэтов, ему сказали, что вечер уже подходит к концу, а данная поэтесса, к сожалению, сильно запаздывает, заплутав по дороге.

– А Вы ее делегированный представитель? – спросили его с надеждой. – Было бы здорово, если Вы выступите вместо нее, зачитав что-нибудь из новенького... Илья Юрьевич решительно кивнул и побежал к сцене, пока организаторы объясняли слушателям и жюри сложившуюся ситуацию.

«Она играла глазами.

Она чертовски дурила.

Ее какая-то сила

Вперед все время манила.»

Зачитал он в микрофон, едва отдышавшись, и почтительно поклонился, тем самым дав понять, что больше ничего не знает. Зал погрузился в глубокую тишину раздумий и где-то на задних рядах сорвались редкие овации... Вдруг волна восторга так накрыла публику, что все бросились поздравлять победителя, жать руку и целовать в щеки. Тут же в торжественной обстановке Илье Юрьевичу, дипломированному стоматологу со стажем, вручили под расписку членский билет для «Хуторской козочки» и все быстро разбежались, ссылаясь на занятость.

Еще долго Илья Юрьевич бродил под темными окнами дома российских поэтов, поджидая свой сильно запоздавший идеал. Наконец, он услышал шаги, и сразу узнал ее по чемодану в руках.

– О простите меня, простите... – бросился он сразу на одно колено перед приятно удивленной женщиной. – Я люблю Вас и любил всю жизнь, всегда верил судьбе и вот настал самый счастливый миг в моей жизни, и я сейчас готов умереть, если Вы вдруг откажете мне стать моей женой. – И вместо обручального кольца он был вынужден протянуть нашей героине ее же членский билет и коробочку со значком.

Поэтесса была так впечатлена молниеносными событиями, что на радостях забыла о всех тех неурядицах, которые довели ее до слез в последнее время, обнялась со своим будущим суженым и даже скромно позволила себя поцеловать в щеку. Затем уже не в ее богатом воображении, а на-

яву ее благородный рыцарь взял ее на руки и понес показывать достопримечательности столицы, от которых она была в таком восторге, что не могла произнести и двух слов...

– Да... да... – шептала она, опьяненная от счастья, разглядывая ту или иную башенку.

Эти слова слышались также не только под полночный бой курантов, но и всю ночь, которую наша гостья провела в шикарной квартире дипломированного стоматолога.

Только наутро к ней вернулся дар речи, и она твердо решила выпустить новый сборник своих стихов «Радость любви» в твердой обложке.

Еще та штучка

Жила-была одна самозанятая девушка, которая работала репетитором французского языка. С начала учебного года работы было немного, и наша героиня, бывало, сидела на лавочке во дворе и терпеливо ждала, когда подойдет время следующего урока. Но в ноябре-декабре у нее уже не было «пустых окон», и она металась между квартирами, в которых проживали ее ученики, как угорелая. С приходом же весенней оттепели график становился настолько плотным, что репетитор даже не успевала перекусить, а когда возвращалась домой, падала обессиленная на свою одинокую постель со словами «J'apprendre à jongler...» (я кручусь, как белка, в колесе) или «Quand est-ce que ça finira?» (когда же это все закончится?) Потом она мгновенно засыпала, и снилось ей беззаботное лето, целых три месяца отдыха, море, Ницца и как она в широкополой соломенной шляпке бродит по набережной, а ветерок играет с ее летним ситцевым платьем, под которым ничего нет... Да... наша героиня была еще та штучка!

Именно в такое суматошное для нее время и произошла вся эта пикантная история. Дело в том, что ученики репетитора все жили в многоэтажных домах, плотно наставленных друг на друга. Для того чтобы попасть к каждому в назначенный час приходилось бегать по лестничным клеткам,

перебегать из подъезда в подъезд и пользоваться лифтом... Английским ученым известно, что в таком бешеном ритме кровь хорошо гоняет по организму и активизируются потовые железы, и все бы ничего, но наша героиня принципиально не пользовалась дезодорантом. Да... она была еще та штучка!

И чтобы не смущать своим вспененным видом своих учеников и их родителей, девушка на бегу переодевалась. Часто такой своеобразный ритуал происходил в лифте, пока он поднимался на нужный этаж. Естественно, в лифте никого постороннего не должно было быть, а если кто-то из жителей или гостей заходил вместе с репетитором в подъезд, она вежливо пропускала его и ждала следующий.

Однажды наша героиня, поднимаясь на лифте к очередному своему ученику, особо чувствительному к запахам, решила поменять обтягивающую, уже взмокшую от беготни блузку, запасная чистая лежала в пакете. Но так получилось, что во время стаскивания с себя одежды девушка запуталась, а лифт остановился на каком-то среднем этаже, и мужчина, вызывавший этот лифт, увидел перед собой образ Венеры, словно только что вышедшей из пены, в красивом белоснежном лифчике с поднятыми вверх руками, на которых застряла блузка.

– Bonjour, – не растерялась наша героиня, а она, как известно, была еще та штучка. – Le temps est parfait pour l'amour... (Сегодня прекрасная погода для любви...)

Мужчина ничего не мог промолвить в ответ. Он просто обомлел, открыв от изумления рот. История умалчивает, что больше его поразило тогда: превосходное французское произношение незнакомки, приглушаемое синтетической материей или четвертый размер груди, буквально выпадающей из чашек лифа, точно ему в руки, но он так и не вошел в лифт, и двери сами собой закрылись, унося чудесное видение куда-то ввысь...

Потом он, конечно, пришел в себя и предположил, что тронувшая его сердце девушка заходила к кому-то в гости, и стал ожидать ее у выхода из подъезда. Ровно через сорок пять минут он услышал стук спешно спускающихся по ступенькам каблучков. Это была она.

– Excusez-moi, mademoiselle... Je n'ai pas l'habitude de suivre les femmes, (Простите меня, мадмуазель... Обычно я не преследую женщин) – обратился он на чистейшем французском, чем приятно растрогал репетиторшу.

Оказалось, что перед ней стоял самый настоящий француз из Парижа, прежде известный киноактер, но бежавший из Франции по причине резко выраженной антисоциальной политики и которому недавно Президент нашей страны подарил Российское гражданство и даже квартиру в Москве.

– Je suis très seul actuellement... (Я очень одинок сейчас). Imagine ma surprise quand je vous ai vu... dans ce trou. (Представьте мое удивление, когда я увидел Вас... в этой дыре... Ne me chassez pas, s'il vous plaît. (Не прогоняйте меня, про-

шу) Et je n'ai plus que vous! (Ведь кроме Вас у меня никого нет.)

Все эти французские слова, переполненные искренних чувств, так растрогали девушку, что она пожалела беглого француза, адаптирующегося к реалиям суровой московской жизни, и согласилась на randevu с ним, которое прошло как нельзя лучше.

– Où as-tu appris à embrasser si bien? (Ты где так хорошо научился целоваться?) – спросила она его в конце вечера.

– Quand j'étais petite. (В детстве.) – засмеялся он абсолютно счастливый.

Как видите, жених нашей героини тоже оказался еще той штучкой. Короче говоря, они друг друга стоили. И когда на их пышную свадьбу созвали друзей, то со стороны невесты был приглашен свидетель – папа одного из учеников, за столом махнувший лишнего и потребовавший себе первый танец.

Жених немного даже приревновал и нахохлился.

– Vous l'avez rencontré? (Вы с ним знакомы?) – спросил он сердито у своей пассии.

– On était couchés ensemble à la maternité (В роддоме вместе лежали...) – ответила она ему уклончиво.

Да... наша героиня была еще та штучка!

Недолюбленность

Однажды у одной хорошей женщины на попе вскочили прыщи, ну даже не прыщи, громко сказано, а сыпь какая-то аллергическая, а накануне она китайских мандаринов наелась, ну тех, что с листочками зелеными продаются у нас в супермаркете. Я сам их, грешный, скушивал, но, слава Богу, обошлось без последствий, а вот с этой мадам конфуз случился.

Вы спросите разумно, откуда я все эти интимные подробности знаю. А тут особо удивляться нечему. Разрешите представиться. Врач-дерматолог Александр Иванович Куликин. Фамилия, конечно, не настоящая, потому что мало ли что приплетут за разглашение врачебной тайны, а вот имя и отчество мои – кровные.

Так меня, по крайней мере, в поликлинике нашей кличут.
– Александр Иванович, завтра у нас планерка. Выступите с докладом.

– Александр Иванович, Вы опять не внесли электронную запись в историю болезни гражданина N...

Замаялся я честно. Все поперек горла стоит... А тут еще вот эта особа пришла ко мне на прием со своею проблемою. Все, как положено, осмотрел, пощупал. А скажу честно, если бы не прыщи эти, я такой красоты и не видывал прежде. А уж поверьте, у меня стаж тридцать лет, некоторые даже

столько не живут.

– Доктор, что со мной? – спрашивает она меня с легким испугом.

Я молчу, хмурюсь. Вообще меня всегда раздражает, когда пациенты штаны или юбки свои передо мной спускают и спрашивают: «Доктор, что со мной?» «Да, ничего, особо! Сифилис или гангрена, – отвечаю обычно раздраженно. – Надо анализы сдавать». А тут смотрю женщина хорошая. «Хорошая», и этим словом все сказано. В общем, сдержался я и говорю.

– Это у Вас от недолюбленности...

– От чего, доктор? – все стоит она передо мной озабоченно с задранной юбкой.

– От не-до-люб-лен-ности, – произношу я по слогам и поясняю. – Женщину для здоровья и поддержания ее красоты и формы нужно любить хотя бы два раза в неделю... Вот Вас, видимо, кто-то недолюбил, и результат на лицо...

– Да, нет, доктор... Лицо у меня нормальное, – задумывается. – Да и два раза в неделю меня муж точно любит.

– Значит, недостаточно, – с серьезным видом отвечаю я. – Нужно увеличивать продолжительность полового процесса, особенно в прелюдийной его стадии...

Сказал, как отрезал. Сам дивлюсь своей дерзости.

– О-со-бен-но в пре-лю-дий-ной ста-ди-и, – произношу по слогам отчетливо.

– Это точно, – обреченно вздыхает моя пациентка. –

С этим у нас сложности. Возьму-ка лучше путевку в Турцию на недельку.

Через неделю где-то приходит ко мне вся загорелая, по-свежевшая. В руке авоська с лимонами.

– Доктор, здравствуйте. А это Вам, – и мне протягивает. – Турецкие, сочные, сама срывала...

– Спасибо, – благодарю. – Как раз с чаем попью... Ну как Ваша попочка?

– Отлично, доктор. Вот смотрите! – и юбку передо мной задирает, я аж ахаю. Попка у нее, как на обложке Плейбоя, даже лучше, не ретушированная. Таких аппетитных булочек никогда прежде не видел. И прыщи все пропали без следа...

– Я смотрю, Вы хорошо отдохнули... – констатирую я факт полного выздоровления.

– Вы, наверно, доктор, подумали, что я бл.. – смеется.

– Ну, я так не думаю... – как-то сконфузился я. – Просто интересно узнать в подробностях рецептик Вашего выздоровления.

– А рецептик прост, записывайте! – отвечает, а сама в глаза мне прямо смотрит, юбку гордо поправляет, улыбается. – Тюбик любого крема от загара да абонемент недельный на нудистский пляж в Анталию.

– Ну что ж... разрешите Вас поздравить... – руку ей даже подаю. – Еще раз спасибо за лимончики.

А уж на следующее утро попа у меня у самого зачесалась. Смотрюсь в зеркало, изогнулся аж и глазам своим не верю.

Все в прыщах страшных и расчесах. Думал, думал. Все смекнуть не могу, отчего такая оказия. Неужто эта недолюбленность заразна? А сам чаек с лимончиком попиваю, похлебываю, так лучше мне соображается... и тут меня осеняет. Так это ж от цитрусовых! Нынче не только китайским мандаринам, но и турецким лимончикам веры нет... Бегу к главврачу, прошу слезно отпуск...

– Ты куда, Иваныч? – удивляется главврач, но дает добро.

Я ж загнанная лошадка еще та, в последний раз отпуск брал еще в лохматые 90-е... На мне, можно сказать, все кому не лень ездят.

– В Турцию на недельку, – отвечаю со скрежетом в зубах. – Недолюбленность свою лечить.

– Молодец, Иваныч, что решился! – хлопает меня по плечу. – Плавки ток не забудь!

«Плавки? Ах, да... плавки. Они мне теперь ни к чему», – про себя думаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.